

Отдых на Волге. 1950

Наша мужская школа № 6 г. Ульяновска, в которой мы учились после войны, давала отличные знания. Выпускники успешно поступали в ведущие вузы страны, в том числе московские. Многие шли в МГИМО и прославились как дипломаты, среди них В. Воронков (выпуск 1946 года), П. Шмельков (1947), А. Барышев (1948), С. Белоусов (1949). Другие стали известными врачами (В. Садилов, В. Земсков), научными работниками (Ю. Каргин, А. Тимохин).

Дружба в школе и после...

Встреча выпускников
через год после окончания
школы. 1950

В первые годы после окончания школы мы встречались во время летних каникул. Активным организатором таких встреч был Виктор Сергеев, лидер группы «3 В» в радиостудии Дворца пионеров. Наши встречи он фиксировал на фотоплёнку, с которой делал отпечатки для всех участников. Часто с нами были и наши подруги – девушки, обучавшиеся в женских школах. В более поздние годы встречи продолжались в основном с друзьями, связанными с радиостудией.

Расскажу о некоторых наших учителях и школьных друзьях.

Екатерина Ивановна Никитина

О школе и о учителях у меня сохранились самые лучшие воспоминания, несмотря на тяжёлые годы войны. В нашей школе были необычные учителя: Николай Михайлович Пудовкин (директор), Павел Сергеевич Русин

(классный руководитель в 5-м классе), Мария Ивановна Тарасова (классный руководитель в 6-7 классах), Анна Павловна Варламова, Леонид Алексеевич Филиппов, Михаил Григорьевич Мелиховский, Метта Иоганновна Папмел.

Но Екатерина Ивановна Никитина была среди них особенной. Она появилась у нас в 8-м классе – выпускница пединститута. Вела русский язык и литературу, её назначили нашим классным руководителем. Она с увлечением преподавала литературу. Особенно любила творчество Пушкина. Многих из нас научила писать длинные сочинения.

Я подолгу просиживал в читальном зале Дворца книги, переписывал мысли известных критиков. Екатерина Ивановна ставила нам высокие оценки, а потом говорила: «А теперь я вам прочитаю сочинение Володи Шпензера». Мы заслушивались содержанием его сочинений – в них действительно

имелись оригинальные мысли, и излагались они прекрасным языком.

Е.И. Никитина открывала своим ученикам удивительный мир русского слова, мир музыки и живописи. Вместе мы

Г.С. Тетнев, Е.И. Никитина
и супруги Тимохины. Конец 1960-х

слушали записи опер, рассматривали и обсуждали репродукции картин знаменитых художников.

Как классный руководитель Екатерина Ивановна относилась ко всем нам заботливо, с материнской любовью. Очень скоро мы стали звать её между собой просто тётя Катя. И это имя закрепилось за ней навсегда.

Она постоянно организовывала различные мероприятия. Были экскурсии во Дворец книги, в отдел редких книг, летом – поездки на пароходе в Куйбышев, Горький.

После 9-го класса у нас была экскурсия на пароходе в Горький. Когда собирались возвращаться, мне вдруг взбрело в голову: «Екатерина Ивановна, а у меня в Москве живёт тётя, я её давно не видел...». Никитина, не раздумывая, поехала на пристань, купила мне билет на пароход до Москвы в каюту 2 класса и дала денег на пропитание. Представляете, как удивилась моя тётя Нина, когда я неожиданно появился в её квартире на ул. 3-я Тверская-Ямская! Через несколько дней тётя Нина отправила меня в Ульяновск на поезде.

Тётя Катя переживала за судьбу каждого ученика. В нашем классе учился сын первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Вова Терентьев. В мае 1949 года, за месяц до выпускных экзаменов, его отца сняли с работы и репрессировали, будто бы за хозяйственные преступления. Екатерина Ивановна проявила настоящую материнскую заботу о Вове, всячески поддерживала его. Иногда, когда на перемене Вовка сидел грустным, она садилась рядом и заботливо обнимала его, стараясь успокоить. И Вова благополучно окончил школу.

Большую заботу Екатерина Ивановна проявила и обо мне. Я был кандидатом на золотую медаль, но комиссия поставила за сочинение «хорошо». Предлогом послужили несколько исправлений. Никитина не согласилась и настаивала на пересмотре. Когда в области ей не удалось добиться, она послала моё сочинение в Минпрос. Но там оценку не изменили, и я медаль не получил.

Большинство учеников нашего класса долгие годы после окончания школы поддерживали связь с любимой учительницей, а у меня и моего друга Льва Тимохина сложились дружественные отношения на семейном уровне.

Особенно мы сблизились после моего переезда в Ульяновск в 1966 году. Екатерина Ивановна познакомилась с моей женой, была у нас дома на

моём 50-летию, я был на её 55-летию в 1-й школе. Её сын Олег учился в политехе на РТФ в период, когда я был деканом этого факультета.

Когда Лев Тимохин приезжал в Ульяновск, мы вместе ходили к Екатерине Ивановне, и тогда она давала распоряжение снохе: «Тамара, доставай коньяк...».

Семейная жизнь Екатерины Ивановны оказалась непростой. Родилась она в небольшой деревеньке Тагайского района Ульяновской области. После окончания семилетки – педагогическое училище, затем учёба в Ульяновском педагогическом институте, который с отличием окончила в 1946 году и стала работать в нашей школе учителем русского языка и литературы. Через год вышла замуж и родила сына. Муж оказался непорядочным человеком, и ей пришлось расстаться с ним. Чтобы навсегда вычеркнуть его из своей жизни, она добилась, чтобы сыну при получении паспорта в 16 лет дали её фамилию. Всю свою жизнь она заботилась о сыне, его семье.

Семейные заботы нисколько не заслонили главную любовь Екатерины Ивановны – к русской литературе и русскому языку. Эту любовь она передавала своим ученикам и студентам, вкладывала в написанные ею книги.

Начав в 1946 году работать учителем в 6-й школе, она через несколько лет перешла в среднюю школу № 1 Ульяновска. В 1959 году ей было присвоено звание заслуженного учителя школы РСФСР. С 1963 года Екатерина Ивановна – преподаватель на кафедре русского языка Ульяновского пединститута.

Позже в центре её научных интересов оказались вопросы развития речи ученика, которые нашли отражение в кандидатской диссертации, ставшей основой книги «Связный текст на уроках русского языка» (1966). Потом была работа над учебниками чтения для начальной школы – «Родное слово», «Родная речь». С 1980-х годов Екатерина Ивановна – соавтор учебного комплекса под редакцией В.В. Бабаицовой, автор знаменитых ныне на всю страну книг «Русская речь». Многотысячными тиражами переиздавались книги Е.И. Никитиной для чтения в начальных классах «Родное слово», а также методические указания к ним. Всего она написала свыше ста книг и десятки методических пособий к ним. Заслуги Е.И. Никитиной высоко оценены: она награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалью К.Д. Ушинского, Большой золотой медалью ВДНХ,

медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», многочисленными почетными грамотами Министерства просвещения РСФСР. В 1994 году она первая получила звание «Почётный гражданин Ульяновской области», а в 1999 году стала лауреатом премии Правительства Российской Федерации.

До последних дней жизни Е.И. Никитина вела плодотворную исследовательскую, учебную работу, писала новые книги и статьи, руководила лабораторией развития связной речи при кафедре русского языка, занималась с аспирантами. Скончалась Екатерина Ивановна 18 февраля 2006 года. Ей было 82 года.

Имя Екатерины Ивановны Никитиной известно многим поколениям учителей не только в России, но и далеко за её пределами.

Ирма Голодяевская

Когда мы были школьниками, наша мужская школа № 6 была «прикреплена» для проведения в старших классах совместных вечеров с танцами к женской школе № 2, находившейся на соседней улице К. Либкнехта. Среди учениц параллельного со мной класса была Ирма Голодяевская.

Ирма Голодяевская в саду

Оказалось, мы были знакомы давно. В первую военную зиму в нашем городе появились люди, эвакуированные из западных районов СССР. На улице К. Либкнехта – соседней с улицей Минаева, где мы жили с бабушкой, поселилась эвакуированная женщина с девочкой. Между нашими участками был общий забор. Тогда мне было 10 лет. Зимой я перелезал на их участок и железной лопаткой портил ледяную горку, где каталась эта девочка. Вероятно, такова была форма уходаживания. Помню, как её мать, женщина интеллигентного вида, подходила ко мне

и строгим тоном выговаривала, зачем же я порчу такую хорошую горку. Но вскоре их не стало видно – они переехали в другой дом.

Позже, когда мы учились в старших классах, мы познакомились повторно. Выяснилось, что девочку звали Ирма, мы оказались одногодками (она родилась 28 октября 1931 года в Киеве). Училась она в женской школе № 2.

На совместных вечерах некоторые девочки демонстрировали свои таланты. Одна прекрасно исполняла классические произведения на пианино, а Ирма хорошо пела, активно участвовала в смотрах художественной самодеятельности.

Вот что пишет в своих воспоминаниях Людмила Васильевна Сергеева, школьная подруга Ирмы: «Помню заключительный концерт одной из школьных олимпиад, в драматическом театре вскоре после зимних каникул. Минуту назад прозвучал дуэт Лизы и Полины в исполнении Ирмы и Лили Гончаровой. Зал захлестывают аплодисменты, мы скандируем: «Го-ло-дя-ев-скую!!!», а занавес неумолимо опускается... Тогда я срываюсь с места и через зал лечу на сцену к ведущим: «Вы слышите, как гудит зал, просит на бис Голодяевскую, почему не даёте им спеть?!» – «Потому что концерт окончен», – безжалостно говорит ведущая и выходит в зал объявить об этом...».

Вот что пишет другая подруга Ирмы – Галина Серафимовна Волк (Соловых): «Ни у кого не было такого красивого голоса, как у Ирмы Голодяевской... Ирму мы бежали слушать при любой возможности и в школе, и вне её. В 1947–49 годы, помню, ходили на наш любимый бугорок специально встречать весну Ирминой песней. Бугорок этот был на косогоре, где потом построили кинотеатр «Рассвет». С него было видно всю Волгу и острова, ажурный мост и Воложку, и Попов остров, и далеко-далеко весь волжский простор. Отсюда любили мы смотреть на ледоход...».

У нас было несколько встреч и после окончания школы, во время студенческих каникул. Устраивали мы дружеские «вечеринки» с участием моих одноклассников. В одной из них, посвящённой проводам ребят в армию (на военные сборы) «активно» ведут себя Ирма Голодяевская и Лёва Тимохин. Лев очень нравился Ирме, она называла его Граф...

Из записок Ирмы, адресованных ближайшей подруге Нине Смирновой: «Граф был на вечере. Смех прямо!

Чудной такой! В своём неизменном костюмчике, волосы у него чудесные! Как будто золотые! Нет, нет. Граф чудесный, он мне ужасно нравится!»

«...оказывается, мне Граф дороже, чем я думала. Я думала, что смогу быстро забыть, но...увы! Это безуспешно, к сожалению...»

А между мной и Ирмой была обычная дружба, не более.

После окончания школы в 1949 году Ирма училась в Москве в музыкальном училище имени Гнесиных и одновременно в МГПИ имени Ленина на отделении французского языка, затем в консерватории имени Чайковского (класс профессора Ф.С. Петровой). Педагоги сразу оценили её талант: Ирма выступает в лучших концертных залах столицы, записывается на Всесоюзном радио, выпускает грампластинку, снимается в кинофильмах. Её готовят к зачислению в труппу Большого театра. Но судьба повернулась так, что талант Ирмы даже не успел до конца раскрыться.

Казалось бы, всё складывается прекрасно. Но... с группой студентов консерватории Ирма едет в Англию. Там она производит настоящий фурор. И английская искушённая публика, и специалисты в восторге от её голоса. Такой голос, говорят ей, рождается раз в сто лет. Ей предлагают ангажемент в Королевской опере, и кто-то из королевского дома влюбляется в очаровательную русскую певицу, а она якобы говорит, что подумает.

В Москве она сразу же оказалась под неусыпным оком лиц в штатском. С этого момента для Ирмы начались чёрные дни. Её вызывали на проработку в ректорат консерватории, в ЦК ВЛКСМ, лично к «серому кардиналу Сулову», на допросы в КГБ.

В 1955 году у Ирмы умерла мама, были какие-то проблемы в личной жизни, кто-то из её завистников написал на неё донос... И девушка сломалась. 10 октября 1956 года после очередного ночного допроса Ирма выпила бутылочку уксусной эссенции. Умирала она в страшных муках несколько часов.

Ирму кремировали, и часть её праха, привезённая в Ульяновск, была захоронена на могиле её матери на старом городском кладбище.

В 1976 году открытая в созвездии Рыб малая планета в честь Ирмы Голодяевской была названа Ирминой.

А в Ульяновске школьные подруги Ирмы приложили немало усилий, чтобы хранить о ней память земную. Самые близкие её подруги Нина Смирнова и Людмила Сергеева образовали

«общество Ирмы», организовали установку памятника на могиле Ирмы, стали устраивать концерты, памятные вечера...

В процессе работы над воспоминаниями мне удалось найти её подруг. Они показали могилу с прахом Ирмы на старом кладбище.

Оказалось, что у Нины Смирновой сохранилась папка с записками Ирмы, в которых она писала про моего друга Льва Тимохина (Графа) и про меня. В октябре 2013 года вечер памяти Ирмы состоялся и с моим участием. Он проходил в квартире Нины Сергеевны Смирновой. Каждый из нас делился воспоминаниями о тех годах. Вспомнили ещё одну их одноклассницу – Оксану Шавкунову. Она жила на улице Л. Толстого в одном дворе с нами, а её отец Василий Устинович работал вместе с моими родителями в тресте «Волгостройлес», и мы хорошо знали друг друга. Воспоминания относились к событиям 1941 года, когда семья Шавкуновых выбиралась из Белоруссии в дни немецкого нашествия.

В 2014 году вечер памяти Ирмы был проведён более широко – на занятии клуба «Литературная гостиная», который является составной частью «Университета активного долголетия «50+». Мероприятие проходило в концертном зале Ульяновского мемориального музея И.А. Гончарова. Меня попросили выступить с воспоминаниями о школьных годах Ирмы в Ульяновске, о её любимом Графе... Были и другие воспоминания. Артисты филармонии исполнили любимые романсы из репертуара Ирмы. Звучали стихи в её память.

Лев Александрович Тимохин

Лёва Тимохин – самый близкий мой друг. Наша дружба началась, когда мы оказались вместе в 5-м классе 6-й мужской средней школы. Все годы до окончания школы мы сидели за одной партой. Оказалось, что и жили мы рядом – на Минаева, только он – ближе к Свяге. Неподдалёку, на улице 12 Сентября, жила его бабушка по отцовской линии, у которой мы с ним часто бывали. Его отец в те годы был на фронте, и Лев жил с матерью.

И вот, в последний год войны, как-то вечером я пришёл к Лёве домой, а там – шумный праздник. Взрослые говорят: «Вернулся с фронта Александр Степанович с молодой женой, прежнюю выгнал, с новой проводит свадьбу».

Через некоторое время я познакомился с его отцом. Встретил он меня

по-мужски: «Зачем закутал шею шарфом? Закаляться надо...». Изменения в семье не отразились на поведении Лёвы. Мне довелось общаться с его отцом и мачехой до последних дней их жизни – это была прекрасная семья. Когда Александр Степанович состарился и начались проблемы со здоровьем, на помощь пришёл наш общий школьный друг Валентин Константинович Земсков, ставший к тому времени известным хирургом. Мачеха, тётя Галя, как называл её Лев, жила дольше, принимала меня радушно. Когда она скончалась, я и Валентин Земсков участвовали в её похоронах...

С 8-го класса мы с Лёвой вместе стали заниматься в радиостудии Дворца пионеров. Лев, кроме того, посещал уроки танцев и стал хорошим танцором.

Помню, у него появилась подруга Зоя. Они постоянно бывали вместе на всех мероприятиях. Мне Зоя почему-то не нравилась, она казалась какой-то простоватой, примитивной рядом с ним. Примерно через год они перестали появляться вдвоём – Лев исчез. На наших вечеринках Зоя с расстроенным видом спрашивала нас: «А почему нет Лёвы?». Мы сами не знали причины. И вдруг он появился с новой девушкой. Её звали Лора Студинская. Лёва ввёл её в наш круг, прежде всего познакомил её со мной. Лора даже пригласила меня к себе домой. Жила она вместе с мамой (отца не было) в одной комнате в доме на улице Труда (теперь улица Д. Ульянова, около гостиницы «Венец»). Лора сразу понравилась мне – своей сдержанностью, внутренней культурой.

Были у нас вечеринки, в которых Лора не всегда участвовала. Именно в это время на Льва обратила внимание Ирма Голодяевская. Но у Льва уже проявилось такое качество, как постоянство, которое он сохранил на всю жизнь.

Занимаясь в радиостудии Дворца пионеров, Лев решил после школы идти учиться на радиотехнический факультет Московского энергетического института. Именно под его влиянием я принял такое же решение. Лев окончил школу с золотой медалью и был зачислен в институт без экзаменов. Мне же пришлось сдавать вступительные экзамены. Так мы вместе оказались на РТФ МЭИ и на 1-м курсе жили в общежитии в одной комнате.

В 1950 году на РТФ появились представители Московского механического института (в 1953 году ММИ был преобразован в МИФИ). Они встречались с заранее отобранными студентами,

которым предлагали продолжить обучение в их институте. Ходили неофициальные слухи, что этот институт связан с атомным проектом, поэтому засекречен. Окончательный отбор студентов на факультет производился комиссией, членами которой были академики А.И. Лейпунский, И.К. Кикоин, И.Е. Тамм. Лев согласился на перевод и был зачислен на 2-й курс того института на инженерно-физический факультет. Общежитие этого института размещалось с Лефортовском студгородке МЭИ. В это время Лора поступила в Московский инженерно-экономический институт им. Плеханова, они поженились и стали жить в этом общежитии.

Слева направо: студенты 1 курса Геннадий Тетнев, Виктор Мельников, Лев Тимохин

После окончания МИФИ в 1955 году Лев был направлен в Сухум – в Сухумский физико-технический институт (СФТИ). До 1992 года СФТИ являлся частью научно-технологического комплекса Министерства по атомной энергии СССР.

Как известно, работы над созданием атомной бомбы начались ещё во время войны, в 1942 году. Работы по «атомному проекту» проводились под научным руководством И.В. Курчатова. После войны к работам в советском «атомном проекте» подключили немецких физиков, среди которых были учёные мирового уровня. Нашли для них в буквальном смысле слова тёплое местечко – около Сухуми, на берегу моря. В 1955 году немцы стали возвращаться на родину, их заменяли советскими специалистами, в основном молодыми выпускниками вузов. Лёва Тимохин оказался одним из них. В Сухуми он приехал вместе с женой Лорой и только что родившимся сыном Сашей. Им предоставили благоустроенную квартиру в «закрытом» парке в Синопе.

В тот год я тоже оказался в Сухуми – по распределению на Сухумскую научную морскую станцию Акустического

института АН СССР (СНМС), которая была организована в 1954 году для проведения научных исследований в области гидроакустики. СНМС была расположена на мысе на западной окраине Сухума, рядом с Сухумским маяком. Чтобы побывать в гостях у Тимохиных, приходилось заказывать и оформлять пропуск.

В СФТИ Лев работал до 1957 года. Затем он перевёлся в г. Обнинск (Калужская область), в физико-энергетический институт (ФЭИ), в котором была создана первая в мире атомная электростанция. В 1963 году он поступил в аспирантуру при Объединённом институте ядерных исследований (г. Дубна), в 1967 году защитил кандидатскую диссертацию. Со временем наши встречи возобновились.

После моего переезда в Ульяновск контакты стали регулярными. В эти годы Лев часто бывал в Ульяновске у своей мачехи. Когда я бывал в Москве, обязательно приезжал в Обнинск навестить Тимохиных и Виктора Сергеева, который тоже перебрался туда из Томска и работал до 75-летнего возраста в ФЭИ. В эти дни друзья организовывали какие-нибудь мероприятия. Особенно запомнилась поездка в 1985 году: Виктор и Лев свозили меня на мемориальный комплекс в Тарутине. Об этом комплексе мало пишут, хотя именно Тарутинский маневр (отход русской армии из Москвы в Тарутино) позволил Кутузову занять выгодную позицию, получить подкрепления и выиграть время для подготовки контрнаступления. Победа при Тарутине подтолкнула Наполеона к отступлению из Москвы. В 1834 году в Тарутине на средства, собранные крестьянами, был установлен монумент с надписью: «На сем месте российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

В 1979 году Лев был назначен заместителем директора по научной работе Всесоюзного научно-исследовательского института гидро-метеорологической информации. Под его научным руководством были выполнены разработки математического обеспечения автоматизированной системы контроля, обработки и создания фонда гидрометеорологических данных на ЭВМ. Л.А. Тимохин опубликовал 85 научных работ, получил пять авторских свидетельств на изобретения.

Лёва скончался в 1997 году. Похоронен на Обнинском кладбище.

Геннадий Тетнев